

Ver. Kuzo - 2001 - 2.000 - 1.15

ЗВЕРЕВ ПРОТИВ ЗВЕРЕВА

Третьего ноября Анатолию Звереву исполнилось бы 70 лет

Леонид ЛЕРНЕР

В нем — не на жизнь, а на смерть — боролись два человека. Кто из них победил, не суждено узнать никому. Но в этой яростной изматывающей схватке, в этом трагическом противостоянии рождалась стихия. Он прожил 55 лет, из которых минимум сорок творил неповторимую живописную природу. Анатолий Зверев оставил нам более 30 тысяч картин! И это тем более удивительно, что, по сути, всю жизнь он был бродягой. К счастью, на его вечной дороге встречались люди, сумевшие отдать ему должное — как художнику, и как человеку. Одним из таких людей была Наталья Шмелькова.

Я встретил ее в начале девяностых в Манеже на выставке «Арт-Миф». Кто-то из художников, зная, что я ищу материалы об Анатолии Звереве для журнала «Мастера», который тогда редактировал, сказал: «А вот и Наталья Шмелькова. Лучше ее Зверева никто не знает».

Дочь всемирно известного ученого, академика, да и сама талантливый геохимик, кандидат наук, Наталья Шмелькова до 40 лет жила «бродягой», исколесив в экспедициях всю страну — от Камчатки до Хибин, от Таймыра до Средней Азии. Сочиняла стихи, не думая их публиковать. Писала картины, не пытаясь нигде выставляться. И вдруг...

Теперь-то я понимаю, что ничего внешнего не было. Наталья Шмелькова приняла то, что ей было уготовано, ибо не столько выбирала сама, сколько выбирали ее.

Художник и поэт Евгений Кропивницкий, основатель знаменитой Лианозовской школы, стал ее крестным отцом: в Хамовниках, в Чудовской церкви, она приняла православие.

Писатель Венедикт Ерофеев, автор легендарного путешествия «Москва — Петушки», за три года до смерти писал ей из Подмоскovie: «Вчера привезли мне твой крест с распятием, и я тут же повесил его над изголовьем: вдруг да Господь освежит мою душу».

Яростный художник Анатолий Зверев обрушивал на нее свои тревоги.

— Зверева считали несчастным. Все знали о его пьянстве, бездомности, даже обреченности. Ты его жалела?

— Нет. Порой, глядя на него, бывало ужасно и жутко, но... Он вызывал у меня какое-то другое чувство. Помню, как Зверева привели ко мне в гости. Сели обедать. Наливаю суп. Толя смотрит подозрительно в свою тарелку, потом вдруг встает и выплескивает содержимое в раковину. Я, не имея понятия о его невероятной брезгливости, наливаю вторую — но участь ее та же. Наливаю третью и говорю: «Может быть, съедите хоть одну тарелку?» Зверев уступил. Потом взял бумагу, кисти, краски и за несколько минут написал мой портрет... Позже, когда я снимала у друзей комнату, Толя почти месяц ночевал у меня на раскладушке. По ночам не спал: свет, непрерывная речь, постоянное чувство тревоги.

— Как может нормальный человек выдерживать такое?

— Может. И поверь, тут нет никакого самопожертвования. С ним было интересно, в нем поражал не только художник, он и мыслитель удивительно. А когда я не выдерживала, то просто отключалась. Есть у меня такое свойство: могу поддерживать беседу — и спать.

В последние десять лет жизни художника их часто видели вместе: в компаниях, на вернисажах. Она стала своего рода посредником в отношениях Зверева с самыми разными людьми. После его смерти о нем писали многие, часто с претензией на особые с ним отношения. Но вот факт: ее воспоминания, напечатанные в «Литературном обозрении», отличались даже не скромностью — полным забвением своего «я». Зная от их общих друзей, как любил Зверев «поплакаться» Шмельковой на свои обиды, неудачи, я был удивлен, не найдя в ее рассказах никаких «эффектных» откровений — лишь ошеломляюще точный в своих противоречиях портрет художника.

Все эти годы Наталья Шмелькова собирала личный зверевский архив, в котором хранила целую коллекцию каталогов, буклетов, статей, фотографий, дневников... Именно к ней обратились за помощью организаторы самой крупной посмертной выставки художника. Нужен был человек, который, не требуя мзды, бросив все свои дела, возьмется собрать лучшие картины Зверева, разбросанные по десяткам московских квартир. Тогда-то Шмельковой и

пришлось оставить экспедиции, МГУ, кафедру геохимии в университете. Она взялась за дело с системным мышлением ученого, с энергией коллекционера, собрав для выставки 300 картин!

Давно улеглись страсти по Звереву. А Наталья Шмелькова по-прежнему живет судьбой этого человека. И вот вышла книга воспоминаний о художнике, собранных Шмельковой у нескольких десятков людей, живущих в России и за границей.

Я был одним из первых, кому она дала прочитать десятки откровений о Звереве — картинок с натуры, подчас ошеломляющих.

Сергей КУСКОВ, искусствовед: «Это был неприкаянный бунтарь, кочевник по призванию. Все, что обрело устойчивость, не соответствовало его темпераменту. Поистине азартная воля к неустойчивости! Вкус к авантюрным дарам и ударам судьбы он превращал в поэтику жизни, неуютную ширь бродяжеской бездомности — в опасность существования на грани падений и взлетов».

Дмитрий ПЛАВИНСКИЙ, художник: «Анатолий работал стремительно. Вооружившись бритвенным помазком, столовым ножом, гуашью и акварелью, напевая для ритма — «Хотят ли русские войны, спросите вы у сатаны», — бросался на лист бумаги, обливал бумагу, пол, стулья грязной водой, швырял в лужу банки гуаши, размазывал тряпкой, а то и ботинками весь этот цветовой кошмар, шлепал по нему помазком, проводил ножом две-три линии — и на глазах возникал душистый букет сирени!»

Георгий КОСТАКИ, коллекционер: «Он поражал своей природной мудростью. Однажды, уехав по срочному делу, я оставил его на несколько часов с Фальком. Что они обсуждали, я не знаю. Но когда я снова встретил Фальку, тот сказал мне: «Знаете, Костаски, я ценю Зверева как художника. Но после бесед с ним понял, что философское видение и переосмысление окружающего мира — это дар мыслителя Зверева художнику Звереву».

Галина МАНЕВИЧ, лингвист: «Разговор с Анатолием Зверевым никогда не был тривиальным житейским общением. Зверев говорил иносказаниями, играл односложными предложениями, вращая корневую структуру слова, вытягивая через фонетику его самоценность, как бы добываясь до первоначального смысла. Таким образом, обычный разговор начинал обретать поэтическое звучание: рождалась не обыденная речь, но стихи Зверева. Стихи были то короткие, мгновенно возникшие по ритмическим и звуковым ассоциациям, то витиеватые, где слово цеплялось за слово в поисках точности описания увиденного вдруг знака жизни — столь любимого им знака «Дзен».

Дмитрий ПЛАВИНСКИЙ: «Зверев рассуждает о поэзии:

— Знаешь, почему Пушкин был посредственным поэтом?

— Ну, почему же?

— Потому что ему не приходило в голову, что поэзия должна быть неожиданной.

— То есть?

— Да вот хотя бы: «Мороз и солнце, день чудесный!», а надо бы: «Мороз и солнце, дерутся два японца».

Андрей АМАЛЬРИК, писатель: «Небритый, в надвинутой на глаза кепочке и в грязной одежде с чужого плеча, Зверев вызывал брезгливость у многих. И вместе с тем сам отличался чудовишной брезгливостью: никогда, например, не ел хлеб с коркой, а выковыривал серединку, рассыпая вокруг хлебные ошметья, пил из бутылки, чтобы не запачкать воду о стакан, при этом — не касаясь губами горлышка».

Валентин ВОРОБЬЕВ, художник: «Обладая нечеловеческой силой воли и гибельным гипнозом, он заставлял знаменитого дирижера Игоря Маркевича бегать за коньяком и перемывать без того чистые стаканы. На моих глазах всемирно известный музыкант Валентин Варшавский стоял за спиной Зверева с подносом водки, в то время как художник, отгрызая и стряхивая с себя чертей, рисовал его дочку и жену. Профессор Пинский, знающий наизусть Шекспира в подлиннике, робко прислушивался, что скажет Зверев о звучности русского перевода».

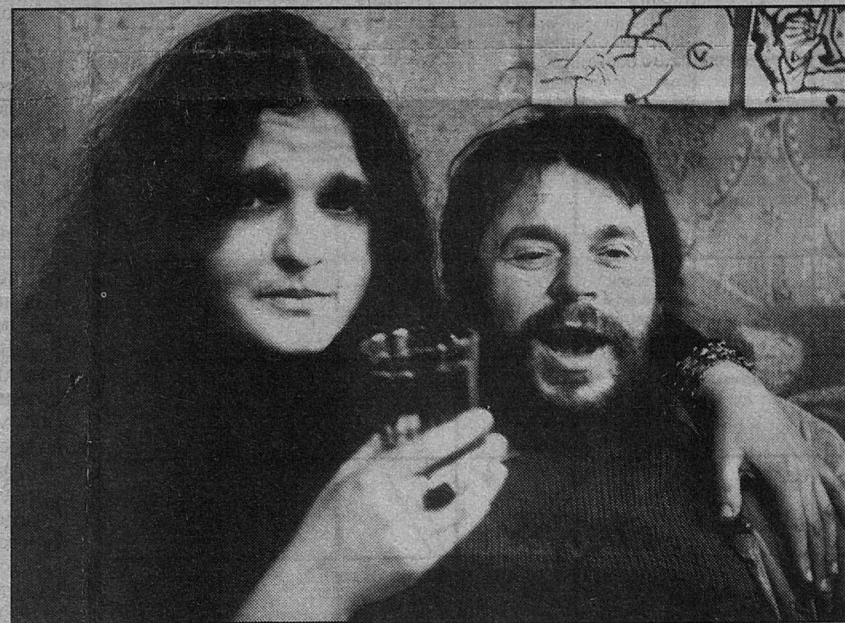
Валентин НЕМУХИН, художник: «Конечно, он родился чрезвычайно одаренным человеком, просто невероятно одаренным. Он родился гениальным музыкантом. Я слышал, как он играет. Это был не просто стук кулаками по клавишам. Он играл, великолепно играл. Я помню, как в одном доме он сел за фортепьяно, и я поразился: передо мной сидел пианист. А скульптор какой он был! Я видел его лошадок, он делал их из глины, серой глины... Я еще хотел договориться с хозяевами, чтобы отлить их в бронзе».

Михаил КУЛАКОВ, художник: «Зверев признавал только один вид общественного транспорта — такси. На пути следования нежелательны встречи с милицией в любом виде и работниками КГБ, которые были заняты подробной слежкой за Зверевым. В таких обстоятельствах такси — наилучший способ улизнуть из-под органов. План прост: как можно быстрее добраться до очередного знакомого, где можно скрыться от враждебного мира, выпив и закусив».

Полина ЛОБАЧЕВСКАЯ, доцент ВГИКа: «История его взаимоотношений с Оксаной Михайловной Асеевой — история преданной любви, осветившей и жизнь Толи, и жизнь Оксаны Михайловны. Она благодаря своему опыту и высочайшей культуре сумела, несмотря на грубость Зверева, по достоинству оценить и душевные качества Толи, и его талант. Многим казалась странной, смешной любовь художника к очень пожилой женщине. Но ведь это были любовь и тяготение не только к конкретной женщине, но к целой эпохе, к серебряному веку русской культуры... Не случайно в то время он писал множество стихов, вступая в соревнование с Председателем Земшара Велимиром Хлебниковым».

Вячеслав КАЛИНИН, художник: «Видел я Анатолия Тимофеевича и в работе, и в пьянстве и всегда удивлялся цельности его жизни. Казалось, пьянство — естественное состояние его жизни. Я мучился, припоминая себя после выпитого, он же, улыбаясь, говорил: «Старик, vedi себя прилично! Купи бутылку!» За трешник он писал портрет, а уж если оставался ночевать, то хозяин дивана получал кучу рисунков. Как сейчас, вижу его хитро подмигивающую физиономию, слышу хриплый голос: «Старик, дай рубль, увековечу». И были у него тогда уже деньги, да не мог он жить иначе, и все мы, кто был рядом с ним, не могли представить его иным».

Рубина АРУТЮНЯН, искусствовед: «При мне на предложение Третьяковской галереи приобрести его работы он ответил: «Третьякову и сам бы подарил с удовольствием, а вам зачем — пылиться в запасниках? Я уж лучше нарисую кому-нибудь за десятку — пусть висит дома на стене». Памятны те минуты, когда он, заканчивая работу и сравнивая натуру с портретом, как всегда, произносил свое непереносимое — «Улыбочку!» и делал последний мазок. А затем начинал тщательно выводить свои инициалы. «В конце концов», — говорил он, — моя подпись тоже что-нибудь значит». ■

Наталья Шмелькова и Анатолий Зверев.